

6. Омельченко Е.Л. От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности / Е.Л.Омельченко // Этнографическое обозрение. – 2014. – №1. – С. 3–8.
7. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р.Парк // Социологическое обозрение. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 11–18.
8. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии / Т. Парсонс // Социология сегодня: проблемы и перспективы / общ. ред. и предисл. Г.В. Осипова. – М.: Прогресс, 1965. – С. 25–67.
9. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) / Р.А.Стеббинс // Социологическое исследование. – 2000. – № 7. – С. 64–72.
10. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е.Г.Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 518с.

References

1. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], Moscow, Progress, 1990. 804 p.
2. Veblen T.B. *Teoriya prazdnogo klassa = The theory of the leisure class* [The theory of the leisure class], Moscow, URSS Librokom, 2010. 365 p.
3. Volkov V.V., Harhordin O.V. *Teoriya praktik* [Practice theory], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Saint-Petersburge, 2008. 298 p.
4. Mead M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood], Moscow, Nauka, 1988. 429 p.
5. Nuksunova A.M. *Dosugovoe povedenie rossijan* [Leisure Behavior of Russians]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye pere-meny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2010, no. 2, pp. 231–246.
6. Omel'chenko E.L. *Ot subkul'tur – k solidarnostjam i nazad k sub-kul'turam? Spory o terminah i jetnografija molodezhnoj social'nosti* [From Subcultures to Solidarities and Back to Subcultures? Debates on Terms and the Ethnography of Youth Sociality]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 1, pp. 3–8.
7. Park R.E. *Gorodskoe soobshhestvo kak prostranstvennaja konfiguracija i moral'nyj porjadok* [The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2006, no. 1, pp. 11–18.
8. Parsons T. *Obshheteoreticheskie problemy sociologii* [Theoretical Problems of Sociology]. *Sociologija segodnja: problemy i perspektivy* [Sociology today: problems and prospects], Moscow, Progress, 1965, pp. 25–67.
9. Stebbins R.A. *Svobodnoe vremja: k optimal'nomu stilju dosuga (vzgljad iz Kanady)* [Free time: towards optimal leisure (a view from Canada)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2000, no.7, pp. 64–72.
10. Trubina E. *Gorod v teorii: opyty osmyslenija prostranstva* [City in Theory: Essays on Urban Space], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 518 p.

«РОССИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА, СВОБОДНАЯ ОТ ДЕТЕЙ», ИЛИ ПРОБЛЕМА СМЕЩЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Бичарова Мария Михайловна, кандидат филологических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: valkirija@inbox.ru

Горлова Екатерина Владимировна, кандидат философских наук

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: spiro.spero@mail.ru

Статья посвящена изучению характерных черт образа современной российской женщины, добровольно отказавшейся от деторождения. Несмотря на важную роль, которую играет образ женщины–матери в процессе формирования национального самосознания и основных форм российской культурной идентификации, отмечается трансформацию «женственности» к «сексуальности» и от «женственности» к «мужественности». Формируется новый совершенно иной образ женщины, которая по определенным причинам, физиологическим, психологическим, социальным, идейно–религиозным или идейно–политическим, не может или не хочет иметь детей.

Ключевые слова: чайлдфри, добровольная бездетность, идеология, современная женщина, Нью Эйдж, социальные последствия

RUSSIAN CHILDFREE WOMAN OR THE PROBLEM OF VALUE POINTS SHIFT

Bicharova Mariya M., Ph.D. (Philological Science), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 4141056, Russian Federation
E-mail: valkirija@inbox.ru

Gorlova Yekaterina V., Ph.D. (Philosophy)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 4141056, Russian Federation
E-mail: spiro.spero@mail.ru

The article is devoted to investigation the features of image of modern Russian woman, voluntarily refused from childbearing. In spite the important part of woman–mother which she plays in the process of formation of national self-consciousness and main forms of Russian cultural identification, the transformation from “femininity” to “sexuality” and from “femininity” to “manliness” is registered. A new absolutely different image of woman who dew to certain reasons be it physiological, psychological, social, ideological, religious or Political Science ones, cannot or doesn't want to have children.

Keywords: childfree, voluntary childless, ideology, modern woman, New Age, social consequences

Система устоев, традиций и ценностных ориентиров современного общества, формировавшаяся на протяжении многих столетий, вполне естественно и неизбежно претерпевает изменения, которые трансформируют наш социум, наше миропонимание и самоопределение. Закономерно, что эти изменения затрагивают как общественную систему в целом, так и ее отдельные элементы, в частности семью. Матриархат сменялся патриархатом, полигамия – моногамией, в гетеросексуальные отношения вклинивались гомосексуальные, изменяя тем самым облик традиционной семьи, внося коррективы в понимание концептов пола, брака и семьи. Вместе с тем сформировавшийся образ женщины как матери–прародительницы, хранительницы очага, человека, дающего жизнь, существует многие тысячелетия. Образ женщины–матери, который является базовым для традиционной российской культуры и представляет определенный ценностный идеал, определяет специфику и развитие отечественной культуры и философской мысли, играет важную роль в процессе формирования национального самосознания и основных форм культурной идентификации, оказал и продолжает оказывать значительное влияние на формирование системы ценностей, присущей современному обществу.

Являясь одним из ключевых понятий современной общественной мысли, феномен «ценность» используется в философии, социологии, психологии и педагогике для обозначения объектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе нравственные идеалы и выступающих в качестве эталонов должного [3, с. 39]. «В философии проблема ценностей рассматривается в неразрывной связи с определением сущности человека, его творческой природы, его способности созидать мир и самого себя в соответствии с мерой своих ценностей. Человек формирует свои ценности, постоянно разрушает противоречия между сложившимся миром ценностей и антиценностей, использует ценности как инструмент поддержания своего жизненного мира, защиты от разрушающего воздействия энтропийных процессов, угрожающих рождаемой им реальности» [5, с. 15].

Т. Парсонс и другие последователи школы структурно–функционального анализа считают, что сохранение любой социальной системы может быть обусловлено существованием разделяемых всеми ценностей, которые рассматриваются в качестве высших принципов, «неэмпирических объектов», вызывающих общее «благоговение» и тем самым обеспечивающих согласие в обществе в целом и в отдельных социальных группах [6, с. 267]. Такое ценностно–консолидирующее пространство и является культурной составляющей.

Особое место проблема ценностей занимает в культурологическом познании. Это, главным образом, обусловлено широко распространенным определением культуры как совокупности всех ценностей, созданных человечеством, что делает ценности специфическим объектом культурологического анализа. Если же интерпретировать культуру как регулятивно–нормативное пространство человеческого существования, в котором важнейшими элементами, наряду с образцами и нормами, являются ценности, культурологическое знание предстает как знание аксиологическое.

Для каждой культуры и эпохи характерны свои воззрения на взаимоотношения между мужчиной и женщиной, на статус женщины в обществе, ее место и предназначение. Политическая, экономическая, социальная, духовная и нравственная история России существенно отличается от европейской истории, о чем пишут великие русские философы, писатели, исследователи, расставляющие совершенно иные культурно-символические акценты. То, что в европейской философской традиции обычно ассоциируется с мужским началом (божественное, духовное, рациональное, истинное), в России ассоциируется через категорию любви – с женским [13]. По выражению немецкого мыслителя В. Шубарта («Европа и душа Востока», 1938), разные народы дали разные образцы человеческих идеалов: «У китайцев – это мудрец, у индусов – аскет, у римлян – властитель. У англичан и испанцев – аристократ, у немцев – солдат, Россия же предстает идеалом своей женщины». В нашей стране сложилось особое отношение к женщине, и, в частности, к матери, что, безусловно, сказалось на специфических чертах национального характера и нашло свое отражение в народных пословицах, былинах и сказках, православной культуре, а также в литературных и философских трудах разных периодов российской истории.

Национальное своеобразие русской культуры, представляющей собой по определению В. В. Миронова «совокупность результатов деятельности людей по созданию материальных и духовных ценностей» [12], раскрывается во многом именно в философских трактатах и произведениях классической литературы. Русскую культуру, которая, по мнению многих исследователей, имеет глубокую связь с православием, называют своего рода аккумулятором исторического опыта и видом социальной памяти, поскольку благодаря культурному наследию человек имеет возможность прикасаться к тому, что было – накоплено в процессе многовекового развития российского общества. «Устойчивость», стабильность культуры обеспечивают традиции (ценности, обряды, обычаи, особенности мировоззрения и т.д.) Являясь элементами культурного наследия, традиции сохраняются и передаются от поколения к поколению, обеспечивая тем самым преемственность духовного опыта, культурных универсалий и стабильное развитие общества.

Современный исследователь особенностей российского самосознания Е. С. Строев отмечает, что самым ценным и содержательным источником знаний и понимания того, что такое российское, и в частности, русское самосознание, является великая русская культура – философия и классическая литература, прежде всего. В. В. Миронов называет философию «душой культуры», концептуализирующей основополагающие культурные ценности страны [12, с. 44]. Выдающийся немецкий философ Г. Гегель определял философию как квинтэссенцию (главное сосредоточение, стержень, ядро) духовной жизни эпохи [7]. И. В. Кондаков в своем исследовании пишет о значительном влиянии литературы на общественное сознание в России [8].

Так, философия и литература способствовали созданию системы ценностей и традиций, которые господствовали веками в нашей стране, в том числе и формированию в национальном сознании определенного культурного идеала или образа русской женщины. Это некое метафизическое начало, женский принцип мироздания, изначальное природное качество мира, таинственное, в то же время соотношенное с абсолютным и идеальным [15]. С другой стороны, глубоким является религиозное понимание понятия «женственность», которое интерпретируется как софийность, церковь, Душа мира [2].

Однако в современных условиях понятие «женственность», которое является символом национального своеобразия и определяет самобытность духовной культуры России, переживает существенную трансформацию: от «женственности» к «сексуальности» и от «женственности» к «мужественности». Формируется новый совершенно иной образ женщины, которая по определенным причинам, физиологическим, психологическим, социальным, идейно-религиозным или идейно-политическим, не может или не хочет иметь детей.

Самым известным примером такого отказа на почве социально-религиозных убеждений в мировой истории является феномен весталок в культуре Древнего Рима. Весталками были жрицы богини Весты, которые служили ей на протяжении 30 лет. За время своего служения они не могли ни выйти замуж, ни родить детей. Если девушки начинали свое служение с 6–10 лет, то к моменту его окончания они достигали 36–40 лет, т.е. это был достаточно «солидный» возраст для девушки, собирающейся завести семью в Древнем Мире. Помимо данного аспекта, необходимо учитывать и тот факт, что бывшая весталка не спешила расставаться со своим социальным и имущественным статусом, поскольку, выходя замуж, она становилась полностью зависимой от мужа и теряла свое высокое положение в обществе. Таким образом, мы можем говорить о вполне осознанном выборе женщины, которая отказывалась заводить семью и детей ради определенных благ.

Приведенный пример говорит скорее об исключении из общего правила образа женщины–матери, нежели о некоей закономерности формирования образа независимой, свободной от определенных обязательств женщин.

Мы можем проследить историю возникновения феминистических идей в обществе, этапы их развития и популяризации. Однако понять, почему на фоне добытой в тяжелых феминистических схватках свободы возникает и набирает популярность новый образ «женщины, свободной от детей», «женщины чайлдфри» (от англ. Childfree Woman) достаточно сложно.

С одной стороны, под воздействием различных политических, экономических и социальных изменений, произошедших в России в XX веке, претерпевает трансформацию и наполняется новым содержанием традиционный образ женщины. В частности, борьба за равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни приводит к тому, что женщина становится активной участницей производственной и общественно–политической деятельности, приобретает большую самостоятельность и экономическую независимость. С другой стороны, в начале XX в. наблюдаются попытки изменить традиционные семейные взаимоотношения, освободить женщину от так называемого «домашнего рабства», обесценить значимость материнства.

Процесс трансформации общепринятых ценностей и вековых традиций, начавшийся в нашей стране еще в начале XX в., сегодня становится все более масштабным и приобретает большую остроту. Как отмечает В. В. Миронов, новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным и открытым [12].

Традиционные элементы и ценности высокой культуры стали разрушаться под воздействием и повсеместным распространением массовой, низовой культуры. Современные исследователи называют ее потребительской, низкопробной, суррогатной псевдо–культурой.

Вполне логично, на наш взгляд, связывать эти процессы с проблемами смещения ценностных ориентиров в эпоху формирования новой жизни, новых идей, нового века – века «Нью Эйдж» (от англ. New Age).

Общезвестно, что история феминизма уходит своими корнями в XVIII в. М. Хамм выделяет три периода его развития [22]. Первая волна относится к феминистскому движению XVIII – начала XX вв., которое в основном было направлено на получение женщинами избирательного права. Вторая волна, по мнению М. Хамма, проходила в период 1960–1980-х гг. и отражала революционное настроение американского общества, что особенно ярко проявилось в вопросах гендерного неравенства (роль женщины в семье, на работе, сексуальная свобода и др.) Данная революционная волна задала тон для дальнейшего развития феминистского движения, которая отразилась в третьей волне, сформировавшейся в крупное социальное явление современного мира с 1990-х гг.

Традиционно в феминистском движении выделяют направления, объединяющие общие вопросы женского права и женской сущности. Одним из наиболее известных является культурный феминизм. Теоретики культурного феминизма – К. Гиллиган, Н. Ноддингс, М. Дейли, Н. Чодорю, С. Раддик, и др. – настаивают на ценности особого женского мира и необходимости развития «особой женской культуры» как предельного выражения «инаковости» женщин. «Женская культура», по мнению авторов, в отличие от патриархальной культуры, характеризуется позитивными моральными и гуманистическими ценностями [9].

Классический труд К. Гиллиган «Другим голосом» повлиял на самосознание многих женщин. Автор пишет: «Если реальный опыт личностного развития женщины не соответствует тому, что об этом пишется в учебниках, то, как правило, официальная психология зачисляет эту женщину в разряд подвергшихся психологической деформации. Однако эта разница может указывать и на ограниченность существующих моделей человеческого развития, их несоответствие реальной жизни» [21]. Как отмечает К. Кроули, благодаря «Другому голосу» для многих белокожих женщин среднего и высшего класса не только стала реальностью возможность получения высшего образования, но и появилось правильное восприятие «себя как женщины» и путей дальнейшего самопознания и саморазвития [18].

Проведенный анализ феминистских работ ещё раз доказывает, что реформы, произведенные в отношении прав женщин на законодательном уровне, труды в которых с научной точки зрения объяснялась «инаковость» женщины, отстаивались её права на личную, сексуальную, экономическую и др. свободы, повлияли на «подъём женского сознания». Многочисленные группы по «изменению сознания» стали основной формой практической деятельности. Феминистки занимались обсуждением повседневного женского опыта, давая возможность женщинам общаться и поддерживать друг друга. Таким образом, специфический женский опыт стал предметом нового теоретического исследования. Рассмотрение женской сексуальности, материнства задаёт новый ракурс анализу проблемы подчинённого положения

женщины и женского начала в культуре. Работы К. Миллетт, С. Файерстоун, М. О'Брайен и др. переносят основное внимание из социально-экономической области в сферу психологии, культуры и др. [11] Исследование данных аспектов напрямую связано с пониманием такого уникального явления как «чайлдфри».

Особым классом потребления идей феминизма Нью Эйдж стали белокожие женщины среднего и высшего класса. Это объясняется тем, что именно они занимают более серьезные позиции в рабочей сфере и уже не ищут внешних изменений в своей жизни через призму феминизма, но их интересует процесс самопознания и саморазвития через духовные поиски. Однако, на наш взгляд, гендерный аспект в Нью Эйдж затрагивает вопрос о существующем разделении среди белокожих женщин и женщин с цветной кожей. При этом исследователи не характеризуют данных женщин по национальному признаку, а, наоборот, при современном смешении национальностей авторы говорят о расовом различии, которое нашло проявление в различии по принципу цвета кожи в американском обществе. Как отмечает исследователь Ю.А. Антонова лидирующие позиции среди «чайлдфри» занимают белокожие женщины с высшим образованием [1]. В этой связи возникает определенный научный интерес относительно взаимосвязи цвета кожи женщин и их позиционирования себя в обществе.

По мнению научного сообщества, именно в 1980–1990-е гг. многие белокожие женщины обратились к духовным практикам Нью Эйдж. К. Кроули характеризует этот процесс как своего рода условную договорённость с женщинами другого цвета кожи [18]. Поскольку в данный период начинают проводиться исследования по проблемам женщин, возникают различные проекты, фонды и ассоциации, именно развитие феминизма Нью Эйдж позволяет найти общие точки соприкосновения среди белокожих и цветных женщин. Заметим, что данный процесс привёл к новому духовному повороту в обществе, укреплению многонациональных дружеских отношений и стал одним из кульминационных моментов в развитии феминизма Нью Эйдж в США. Участие белокожих женщин в культуре Нью Эйдж формируется, как отмечает большинство исследователей (Э. Дуглас, М. Бергер, К. Гуидзор и др.), через систему расового присвоения, то есть через принятие иной культуры, верований, стиля, и/или способов бытия [19]. Белокожие женщины ищут в культурном наследии цветных женщин то, что они не могут обрести в своей культуре. Это объясняется «тоской белокожих женщин по силе, которую можно найти в некоторых цветных культурах, отсутствием конкретных этнических/расовых духовных традиций...» [18]. Согласно эмпирическим исследованиям К. Кроули, представители белокожих женщин зачастую считают, что нет ничего интересного в их «белом фоне». Исследователь отмечает, что именно из-за отсутствия «чего-либо интересного» белокожие женщины ищут недостающие элементы в духовном и культурном присвоении культуры цветных женщин. Помимо многочисленных практик Нью Эйдж, где происходит переключение всевозможных культур, женщины с любым цветом кожи могут «примерить» на себя культуру различного рода.

Проанализировав современные научные теории и представив примерный образ современной женщины – представительницы Нью Эйдж-культуры, логично сопоставить его с образом современной женщины – чайлдфри.

Дж. Клоу, владелец крупного независимого Нью Эйдж-издательства, описывает профиль типичного клиента продукции Нью Эйдж как «белокожую женщину, представительницу высшего класса 35–65 лет, которая могла вырасти в рамках иудео-христианской традиции и которая сейчас находится в поисках большей духовности (чем могут предложить традиционные религии) или альтернативной духовности, объединяющей ум, тело и дух» [23]. Кроме того, как показал опрос 1988 г. [26], потребителями продукции Нью Эйдж являются представители среднего и высшего класса: 91 % подписчиков Нью Эйдж-журналов имеют средний возраст – 39,5 лет, высшее образование, средний доход на семью – около \$ 42000.

Как показали проведённые в США опросы, образ последователя Нью Эйдж в XXI в. выглядит примерно следующим образом: это белокожая женщина, которая носит длинную струящуюся одежду и этнические украшения, верит в ангелов, практику ченнелеров и мастеров Рейки (техника исцеления энергией), считает, что женщины имеют особую так называемую «животную энергетику», способную «очистить» землю [18]. Она использует шалфей для окуливания своего дома, в котором всё расположено по принципу фэн-шуй и развешено много кристаллов. Она ест специальную еду и использует карты Таро, чтобы заглянуть в прошлое и вновь пережить свои «прошлые жизни».

В 1960–1970-е гг. всё больше женщин подвергали критике патриархальные религиозные институты и искали так называемого «духовного утешения» вне данных учреждений. В 1980-х гг. волна новой духовно ориентированной и Нью Эйдж-литературы, семинаров была направлена на

удовлетворение этого спроса. Популярны книги, фильмы, телешоу и корпоративные семинары стали отражать влияние Нью Эйдж-культуры. К 1990-м гг. Нью Эйдж настолько вошел в повседневную потребительскую культуру, что его «очевидное присутствие перестало замечаться» [23]. Именно в данный период стремительно увеличивается количество женщин-учителей и женщин-лидеров семинаров Нью Эйдж. Так, известный Нью Эйдж-лидер Н. Висниевски говорит, что «многие женщины, которые посещают практики Нью Эйдж, хотят соединиться со своим природным началом» [20]. Авторы Нью Эйдж-книг, посвященных проблемам женщин (М. Уильямсон, Ш. Маклейн, С. П. Бреатхнач, Р. Алтеа, К. Мисс, Б. Иадэ, Ш. Гавейн, К.П. Эстес, Л. Хей и др.), последовательно возглавили список бестселлеров 1990-х гг. Нью Эйдж-авторы зачастую используют истории из собственной жизни в качестве модели личного духовного прогресса. Для вдохновения своих читателей многие писатели популяризируют идею того, что если они смогли избавиться от роли жертвы (социальной, политической, культурной, сексуальной или любой другой) для того, чтобы реализовать свой потенциал через обретение «новой духовности», то и читатель сможет поступить так же. Таким образом, с 1990-х гг. в культурной парадигме США становится распространенным явлением образ изменяющейся женщины, использующей для собственной трансформации практики и методики Нью Эйдж, которые в отдельных случаях становятся также основой для идеологии добровольной бездетности. Изначально она основана на том, что термин «бездетные» несколько обидный, поскольку бездетность воспринимается людьми как неполноценность, невозможность выполнить главное предназначение по медицинским показателям, а «свободные от детей» просто не желают становиться родителями. Сознательный выбор женщины, заключающийся в отказе иметь потомство, стал пониматься как отклонение от социальной нормы относительно недавно и далеко не везде [24]. Американские социологи заинтересовались данной проблематикой лишь к середине прошлого столетия, и результаты их исследований были весьма впечатляющие. Выяснилось, что к 1940 г. в США порядка 17 % замужних женщин выражали желание оставаться бездетными [25]. К концу 90-х гг. прошедшего века количество добровольно бездетных женщин в США сократилось до 9 %, а в Австралии их стало 8 % [16]. Перепись 2003 г. в США обнаружила рекордное количество бездетных, таковыми были 44 % женщин в возрасте от 15 до 44 лет. Национальный центр статистики здравоохранения утверждает, что процент американских женщин детородного возраста, которые определяют себя как «добровольно бездетных», быстро растет [5].

В России «чайлдфри» появились в конце 2004 г. в виде виртуального сообщества, которое насчитывало порядка 500 человек. Сторонники добровольной бездетности обзавелись собственным сайтом, где высказывают свое недовольство людьми, которые не принимают и не понимают взгляды сообщества. Появились также ресурсы, посвященные изучению этого феномена в российском контексте.

Говоря о феномене «чайлдфри», большинство исследователей, не причисляющих себя к данному сообществу, единогласны в том, что сознательное нежелание иметь детей – это отклонение от нормы, противоречащее традиционной модели семьи, самой сути человеческой природы. Объясняется это, в основном, нежеланием современной женщины переживать классические стадии семейной жизни большинства женщин: образование – брак – рождение ребенка. Современная молодая женщина целеустремленна и ориентирована на профессиональный, личный и карьерный рост, поэтому часто предпочитает хорошую, высокооплачиваемую работу, отнимающую большую часть ее времени, созданию собственной семьи и рождению детей. Вот почему число психологически и физиологически здоровых женщин, сознательно отказывающихся становиться матерью или откладывающих период рождения первого ребенка на более поздний период, увеличивается. Исследуя отдельные характеристики представителей «чайлдфри», социологи отмечают, что они более интеллектуально развиты, в большей степени востребованы как специалисты и администраторы, имеют более высокий доход, предпочитают жить в крупных городах, менее склонны к религии и соблюдению традиционных обычаев. Они ориентированы на жизнь в комфорте, наличие свободного времени, хобби, друзей, на собственное саморазвитие, эмоциональную и физическую близость с партнером.

Так, феминистические идеи Нью Эйдж достигли такого уровня развития, что во многом создали один из шаблонов восприятия современной культуры и стали распространяться по всему миру. Образ женщины-лидера, женщины-духовного наставника, женщины-шаманки, женщины-хранительницы тайных знаний, женщины-богини прочно вошел в современное мировоззрение. Зерна данной культурной революции дошли и до современной российской женщины, которая успешно использует идеологию Нью Эйджа в качестве основы для идеологии добровольной бездетности. Очевидно, что не только этот, но и многие другие факторы прямо или косвенно влияют на сознательное желание современных молодых женщин примк-

нуть к движению «чайлдфри». Пока специалисты не видят угрозы для демографической ситуации в распространении идеологии чайлдфри, так как количество семей, которые не представляют семью без ребенка, намного больше. Спорным также, на наш взгляд, является суждение некоторых психологов о том, что движение «чайлдфри» – своеобразный естественный способ регуляции численности населения на планете. Течение добровольно бездетных нельзя назвать масштабным в нашей стране, однако, вне всякого сомнения, игнорировать данное явление нельзя, поскольку оно может быть опасно не только в морально-идеологическом плане, но и физическом, экономическом и социально-политическом аспектах. Важно понять, что мысль о рождении ребенка не приходит к человеку со дня его собственного рождения, повзрослевший индивид начинает задумываться о продолжении рода (или наоборот, решает, что это не для него), после обретения определенного жизненного, социального опыта, построенного на личных переживаниях, переживаниях окружающих его людей.

Список литературы

1. Антонова Ю. А. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию Childfree: на грани экстремизма [Текст] // Политическая лингвистика / Ю. А. Антонова. – 2013. – № 2 (44). – С. 170–177.
2. Бердяев Н. А. Эрос и личность: Философия пола и любви [Текст] / Н. А. Бердяев. М.: Азбука, 2008. – 224 с.
3. Очерки истории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 416 с. – с. 39.
4. Венедиктова М. Жизнь в кайф – без чайлд? [Электронный ресурс] / М. Венедиктова // Газета «Демоскоп Weekly», 2006. – № 259–260. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0259/gazeta012.php>. Дата обращения: 20.06.2013
5. Виноградова В. Б. Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века: создание, категоризация, автоматизированный анализ языковых особенностей [Текст] / В. Б. Виноградова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, С.О. Савчук // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. – М., 2001. – С. 398. – с. 15.
6. Гвенцадзе М. А. Коммуникативная лингвистика и типология текста [Текст]. – Тбилиси, 1986. – 324 с. – с. 367.
7. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. Кн. 1. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с.
8. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) [Текст] : Учебник / И. В. Кондаков. – М.: Наука, 1994. – 378 с.
9. Крыкова И. В. Феминизм в пространстве современной гуманитарной культуры [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / И. В. Крыкова. – Тамбов, 2009. – 178 с.
10. Крючкова Е. В. Изменение современной культурной парадигмы как отражение эпохи постмодернизма [Текст] / Е. В. Крючкова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. – 2011. – № 2. – С. 266–274.
11. Миллетт К. Сексуальная политика [Текст] / К. Миллетт // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 148–172.
12. Миронов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии [Текст] / В. В. Миронов // Вестн. Моск. ун-та, Сер. Философия. – 2006. – № 4. – С. 34–48.
13. Петрова Р. Г. Гендерология и феминология [Текст]: учеб. пособие / Р. Г. Петрова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. – С. 31.
14. Решетникова Н.С. Анализ процессов интеграции культуры России в мировое сообщество [Текст] / Н.С. Решетникова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3 (36). – С. 281–287.
15. Соловьев В. С. Смысл любви [Текст] / В. С. Соловьев. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
16. Amba J. C. Fertility, family planning, and women's health [Text]: New data from the 1995 National Survey of Family Growth. Vital and Health Statistics / J. C. Amba, A. Chandra, W. D. Mosher, L. S. Peterson, L. J. Piccinino. – 1997. – № 23. – 101 pp.
17. Bicharova M. Childfree and traditional families: the minority against the majority [Text] / M. Bicharova, I. Lebedeva // Breaking the Media Value Chain: the materials of the VII International Conference on Communication and Reality. June, 2013. – Spain, Barcelona : Facultat de Comunicació Blanquerna. Universitat Ramon Llull. – 2013. – P. 399–406.
18. Crowley K. Feminism's New Age : Gender, Appropriation, and the Afterlife of Essentialism [Text] / K. Crowley. – N.Y. : State University of New York Press, 2011. – 243 p.
19. Douglas A. The Feminization of American Culture [Text] / A. Douglas. – NY. : Noonday Press, 1977. – 403 p.
20. Evans K. Journey of the Spirit // Health. – 2001. April. – P. 178.
21. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. [Text] / C. Gilligan – Cambridge, 1982. – 27.03.2015 – Access mode <http://www.stolaf.edu/people/huff/classes/handbook/Gilligan.html>, free.
22. Humm M. Modern Feminisms [Text] / M. Humm. – N.Y. : Columbia University Press 1992. – 440 p.

23. Jones M. Publishing for Spiritual Seekers [Text] / M. Jones M. // Publishers Weekly. – 1993. – 6 Dec. – P. 48.
24. Lee C. Women's health: Psychological and social perspectives [Text] / C. Lee. – Buckingham, UK: Sage. – 1998.
25. Seccombe K. Assessing the costs and benefits of children: Gender comparisons among childfree husbands and wives [Text] / K. Seccombe. – Journal of Marriage and the Family. – 1995. – № 53. – P. 191–202.
26. Wilson L. The Aging of Aquarius [Text] / L. Wilson // American Demographics. – 1988. Sept. – № 10.9. – P. 37.

References

1. Antonova Ju. A. Kommunikativnye strategii v tekstah, reprezentirujushhiih ideologiju Childfree: na grani jekstremizma [Tekst] // Politicheskaja lingvistika / Ju. A. Antonova. – 2013. – № 2 (44). – S. 170–177.
2. Berdjaev N. A. Jeros i lichnost': Filosofija pola i ljubvi [Tekst] / N. A. Berdjaev. M.: Azbuka, 2008. – 224 s.
3. Oчерki istorii jetnosa [Tekst] / Ju. V. Bromlej. – M.: Nauka, 1983. – 416 s. – s. 39.
4. Venediktova M. Zhizn' v kajf – bez chajld? [Jelektronnyj resurs] / M. Venediktova // Gazeta «Demoskop Weekly», 2006. – № 259–260. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0259/gazeta012.php>. Data obrashhenija: 20.06.2013
5. Vinogradova V. B. Komp'juternyj korpus tekstov russkih gazet konca XX veka: sozdanie, kategorizacija, avtomatizirovannyj analiz jazykovyh osobennostej [Tekst] / V. B. Vinogradova, O. V. Kukushkina, A. A. Polikarpov, S. O. Savchuk // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. Mezhdunarodnyj kongress rusistov–issledovatelej. Moskva, filologicheskij f-t MGU im. M. V. Lomonosova. 13–16 marta 2001 g. Trudy i materialy. – M., 2001. – S. 398. – s. 15.
6. Gvencadze M. A. Kommunikativnaja lingvistika i tipologija teksta [Tekst]. – Tbilisi, 1986. – 324 s. – s. 367.
7. Gegel' G. V. F. Lekcii po istorii filosofii [Tekst] / G. V. F. Gegel'. Kn. 1. – SPb.: Nauka, 1993. – 350 s.
8. Kondakov I. V. Vvedenie v istoriju russkoj kul'tury (teoreticheskij oчерk) [Tekst] : Uchebnik / I. V. Kondakov. – M.: Nauka, 1994. – 378 s.
9. Krykova I. V. Feminizm v prostranstve sovremennoj gumanitarnoj kul'tury [Tekst] : dis. ... kand. filos. nauk. : 24.00.01 / I. V. Krykova. – Tambov, 2009. – 178 s.
10. Krjuchkova E. V. Izmenenie sovremennoj kul'turnoj paradigmy kak otrazhenie jepohi postmodernizma [Tekst] / E. V. Krjuchkova // Kaspijskij region : politika, jekonomika, kul'tura. – 2011. – № 2. – S. 266–274.
11. Millett K. Seksual'naja politika [Tekst] / K. Millett // Voprosy filosofii. – 1994. – № 9. – S. 148–172.
12. Mironov V. V. Sovremennoe kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii kul'tury i filosofii [Tekst] / V. V. Mironov // Vestn. Mosk. un–ta, Ser. Filosofija. – 2006. – № 4. – S. 34–48.
13. Petrova R. G. Genderologija i feminologija [Tekst]: ucheb. posobie / R. G. Petrova. – M.: Izdatel'sko–torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2006. – S. 31.
14. Reshetnikova N. S. Analiz processov integracii kul'tury Rossii v mirovoe soobshhestvo [Tekst] / N. S. Reshetnikova // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2013. – № 3 (36). – S. 281–287.
15. Solov'ev V. S. Smysl ljubvi [Tekst] / V. S. Solov'ev. – M.: Sovremennik, 1991. – 525 s.
16. Amba J. C. Fertility, family planning, and women's health [Text]: New data from the 1995 National Survey of Family Growth. Vital and Health Statistics / J. C. Amba, A. Chandra, W. D. Mosher, L. S. Peterson, L. J. Piccinino. – 1997. – № 23. – 101 pp.
17. Bicharova M. Childfree and traditional families: the minority against the majority [Text] / M. Bicharova, I. Lebedeva // Breaking the Media Value Chain: the materials of the VII International Conference on Communication and Reality. June, 2013. – Spain, Barselona : Facultat de Comunicació Blancaerna. Universitat Ramon Llull. – 2013. – P. 399–406.
18. Crowley K. Feminism's New Age : Gender, Appropriation, and the Afterlife of Essentialism [Text] / K. Crowley. – N.Y. : State University of New York Press, 2011. – 243 p.
19. Douglas A. The Feminization of American Culture [Text] / A. Douglas. – NY. : Noonday Press, 1977. – 403 p.
20. Evans K. Journey of the Spirit // Health. – 2001. April. – P. 178.
21. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. [Text] / C. Gilligan – Cambridge, 1982. – 27.03.2015 – Access mode <http://www.stolaf.edu/people/huff/classes/handbook/Gilligan.html>, free.
22. Humm M. Modern Feminisms [Text] / M. Humm. – N.Y. : Columbia University Pres 1992. – 440 p.
23. Jones M. Publishing for Spiritual Seekers [Text] / M. Jones M. // Publishers Weekly. – 1993. – 6 Dec. – P. 48.
24. Lee C. Women's health: Psychological and social perspectives [Text] / C. Lee. – Buckingham, UK: Sage. – 1998.
25. Seccombe K. Assessing the costs and benefits of children: Gender comparisons among childfree husbands and wives [Text] / K. Seccombe. – Journal of Marriage and the Family. – 1995. – № 53. – P. 191–202.
26. Wilson L. The Aging of Aquarius [Text] / L. Wilson // American Demographics. – 1988. Sept. – № 10.9. – P. 37.